

ГОРОДСКОЙ КОНФЛИКТ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ
И ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ:
ПРОБЛЕМЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ*

А. В. Глухова

Воронежский государственный университет

А. И. Кольба

Кубанский государственный университет

А. В. Соколов

Ярославский государственный университет

Поступила в редакцию 25 июня 2018 г.

Аннотация: в статье определяются методологические основания исследования проблем городской конфликтности в политико-управленческом контексте. Выявляются основные переменные, характеризующие городские конфликты с точки зрения их развития и управляемости. Рассматриваются особенности структуры конфликтов такого типа и условия реализации их позитивно-функционального потенциала. Выделяются основные сценарии развития городских конфликтов, обусловленные конфигурацией интересов основных акторов. Оцениваются возможности применения основных подходов – коллаборативного и критического планирования – для изучения современных конфликтов в российских городах. Авторами сформулированы характеристики двух моделей управления городскими конфликтами – горизонтальной (модель «круглого стола») и вертикальной (модель «экспертного совета»). На основании данных эмпирического исследования (экспертного опроса), проведенного в трех крупных региональных центрах России, делаются выводы о значении конфликтов для городских сообществ и их влиянии на развитие последних, а также институциональных рамках политического управления процессами конфликтования. По мнению авторов, специфика городских конфликтов заключается в преимущественно рациональных основаниях их возникновения и протекания, что предполагает достаточно высокий уровень конструктивности отношений участников. В то же время значимость распределяемых ресурсов для городских сообществ и недостаточный уровень развития механизмов конструктивного регулирования, использование имитационных методов политического управления приводят к возникновению острых конфликтов. Долговременный характер проявления их негативных последствий, оказывающих влияние на различные аспекты городского развития, обуславливает необходимость изменения модели политического управления (уход от практик «экспертного совета», широкое вовлечение общественности в процессы городского планирования). Однако существует ряд политических ограничений для подобных трансформаций.

Ключевые слова: городской конфликт, структура конфликта, динамика конфликта, политические институты, общественность, власть, бизнес, городское сообщество, модели политического управления.

Abstract: the article defines the methodological grounds for researching the urban conflict problems in the political and administrative context. The main variables characterizing urban conflicts in terms of their development and controllability are revealed. The peculiarities the structure of conflicts the same type and the conditions for the realization their positive-functional potential are considered. The main scenarios for the development urban conflicts are identified, conditioned by the configuration of the main actors interests. The possibilities of applying the basic approaches – collaborative and critical planning – are explored for studying contemporary conflicts in Russian cities. The authors formulated the characteristics of two models of urban conflict management – horizontal (the model of the «round table») and vertical (the model of the «expert council»). Based on the data of the empirical study (expert survey) conducted in three large regional centers of Russia, conclusions are drawn on the significance of conflicts for urban communities and their impact on the development of the latter, as well as the institutional framework for political management of conflict processes. According to the authors, the specificity of urban

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-03-00402 «Политическое управление городскими конфликтами в РФ: акторы, стратегии, институциональные основания».

© Глухова А. В., Кольба А. И., Соколов А. В., 2018

conflicts lies in the predominantly rational grounds for their occurrence and flow, which implies a fairly high level of constructiveness of the participants' relations. At the same time, the importance of distributed resources for urban communities and the insufficient level of development of mechanisms for constructive regulation, the use of imitative methods of political management lead to the emergence of acute conflicts. The long-term nature of the manifestation of their negative consequences, which affect various aspects of urban development, necessitates a change in the model of political management (departure from the practices of the «expert council», wide involvement of the public in urban planning processes). However, there are a number of political limitations for such transformations.

Key words: *urban conflict, conflict structure, dynamics of conflict, political institutions, public, power, business, urban community, models of political management.*

Изучение городских конфликтов, их отдельных типов, аспектов и других составляющих в последние годы достаточно активно ведется в социальных науках. Анализ основных подходов и ракурсов исследований в этой области проводился нами ранее [1, с. 132–144] и позволил выявить многообразие представлений о подобных конфликтах и их разносторонние характеристики, сложившиеся на современном этапе. Такое положение дел представляется закономерным, учитывая, что конфликтология процессов, происходящих в пространстве городского социума, находится в начале своего становления. Как отдельная сфера исследований, тем более как самостоятельная научная дисциплина она еще не сложилась. В связи с этим важно концептуализировать представления о городских конфликтах, вписать их в круг устоявшихся понятий и теорий конфликтности. Развитию методологических оснований их исследований посвящена наша статья. В ходе проведенного эмпирического исследования были проверены некоторые предположения относительно роли и места конфликтов в развитии городского сообщества, их влияния на процессы его функционирования, механизмов политического управления конфликтами на материалах российских городов – крупных региональных центров. Полученные результаты также представлены здесь.

Как отмечает Е. Л. Рябова, можно выделить ряд переменных, характеризующих социальный конфликт: структурные (предмет конфликтного взаимодействия, его направленность, вызываемые им изменения, участники, формы проявления, масштаб конфликта), динамические (стадии конфликтного взаимодействия, его продолжительность, темп, интенсивность, интенциональность, состояние и обратимость), функциональные (деструктивные и конструктивные функции), факторные (источники, условия, факторы) [2, с. 9]. На наш взгляд, анализ их проявления в городских конфликтах будет способствовать решению задач, связанных с концептуализацией данного явления.

Структура и функциональность городских конфликтов

Объектом городского конфликта являются проблемы, возникновение которых связано с функциони-

рованием и развитием городского сообщества. Как показывает анализ зарубежного и российского опыта формирования конфликтных ситуаций, эти проблемы чаще всего связаны с пространственным развитием города и его градостроительными составляющими. Также источником конфликта могут стать развитие городской инфраструктуры, символическая политика городских властей, межэтнические взаимодействия и некоторые другие составляющие жизни городского сообщества. Предмет конфликта – степень реализации интересов различных сегментов городского сообщества при решении данных проблем и в конечном итоге та или иная конфигурация удовлетворяемых потребностей акторов.

Наиболее часто городские конфликты возникают в треугольнике отношений, вершины которого представляют различные сегменты городского сообщества (территориальные, социокультурные и др.), представленные в первую очередь активистами, власть и бизнес, действующие в рамках городского пространства. При этом муниципальные структуры власти и управления могут выступать как в роли «третьей стороны» конфликта, так и в роли непосредственного участника. Этот аспект конфликтования во многом определяется типом городского политического режима. Направленность конфликтных взаимодействий определяется позициями участников: различные группы интересов оспаривают городское пространство, как правило, апеллируя при этом к властным структурам.

Реализация позитивно-функционального потенциала конфликтов, как отмечал еще Л. Козер, более или менее возможна в зависимости от параметров конфликтования (уровень идеологизации конфликта, степень реалистичности его восприятия, наличие базового консенсуса в обществе и др.) [3]. Представляется, что изначально присущие городским конфликтам характеристики создают предпосылки для их конструктивного развития. Обычно они деидеологизированы в политическом значении этого термина (речь идет не о разногласиях по поводу принципов развития общества, а об идеологии развития города и/или урегулировании конкретных противоречий, т. е. политическая принадлежность акторов имеет несущественное значение). Предмет конфликта обычно

находится в плоскости рационального осмысления, позиции сторон вполне поддаются логической аргументации. При этом противоречия не затрагивают ценности сторон, речь преимущественно идет об интересах, что снижает вероятность развития глубоко укорененных конфликтов. Развитие городских конфликтов происходит в среде с высоким уровнем институционализации отношений, где, в частности, предусмотрены механизмы согласования интересов при решении городских проблем. Таким образом, с точки зрения теории данные конфликты имеют высокий позитивный потенциал и хорошо поддаются регулированию.

Однако в практической плоскости такие конфликты далеко не всегда оказываются функциональными для решения городских проблем. Более того, типовым становится сценарий, при котором конфликт приводит к обострению отношений между сторонами, переходу их в протестную плоскость и по истечении определенного периода конфликтования к росту недоверия и отчуждения между сторонами при сохранении (усугублении) вызвавших его ключевых противоречий. Определить причины подобного течения событий можно, обратившись к политическим аспектам городских конфликтов, однако предварительно следует рассмотреть их динамическую составляющую и факторы развития.

Динамические и факторные переменные городских конфликтов

По мнению ряда исследователей, конфликты, возникающие в общественном пространстве, и борьба за доступ к общественным местам являются определяющими для городской жизни в постсоветских городах [4]. Если рассматривать данную проблему шире, можно утверждать, что борьба происходит в целом по поводу развития города как территории и социального пространства. Подобные конфликты нарастают по мере увеличения темпов развития городского пространства и степени заинтересованности в нем со стороны акторов, обладающих ресурсным потенциалом для его освоения. Сами города выступают как «места конфликта» [5], влияние которых на процессы их жизни и развития определяется сочетанием объективных (плотность социальных взаимодействий, частота пересечения интересов) и субъективных (использование определенных технологий взаимодействия, организация процесса конфликтования) факторов. К последним относятся и методы регулирования конфликтных отношений.

Динамика городских конфликтов также имеет свои особенности. Предпосылки их возникновения закладываются на стадии планирования городского развития. Проекты городского развития стимулируют сильную реакцию на низовом уровне, однако она

остаётся фрагментированной и, как правило, не вызывает сама по себе широкого городского движения [6, р. 100]. Городские конфликты в большинстве случаев не охватывают городское сообщество в целом или даже большей его части. Их субъектами становятся локальные сообщества, представляющие отдельные территории города, определенные бизнес-структуры, в некоторых случаях – этнические или профессиональные сообщества, группы по интересам. Городские органы власти – неизменные участники конфликтов такого типа.

Латентная стадия конфликта, как правило, совпадает с периодом планирования, иногда начала какого-либо проекта (программы) преобразования городской среды. Собственно противоборство происходит с момента, когда интересам одной или нескольких сторон наносится явный ущерб. На стадии открытого конфликтования сторонами изначально используются практики, находящиеся в плоскости конвенциональных политических отношений – обращения в органы власти, привлечение внимания СМИ, создание и поиск возможностей для расширения коалиций для поддержки того или иного решения. На более позднем этапе характерны локальные протесты. Для бизнес-структур свойственно стремление действовать не напрямую, а выражая свои интересы через представителей власти. Здесь можно вести речь о разделении ролей – бизнес выступает как инициатор проекта, органы власти способствуют его продвижению.

Особенности завершения конфликта заключаются в том, что во многих случаях оно может происходить без какого-либо конкретного соглашения. Сроки реализации проектов развития городских территорий относительно невелики, поэтому оказывается эффективной тактика затягивания конфликта, при которой декларируется его конструктивное решение, однако на практике оно не достигается. Фактическое завершение проекта развития приводит к тому, что оппонирующие ему структуры вынуждены принять новую реальность, а их интересы удовлетворяются обещаниями со стороны бизнеса и/или властных структур, суть которых сводится к компенсации нанесенного городской среде ущерба. Как правило, они не в полной мере конкретизированы и не подкреплены гарантиями.

Возможен и другой вариант завершения конфликта, актуализирующийся в ситуации, когда у бизнес-структур недостаточно ресурсов для завершения инициированных проектов. Происходит замораживание как самого проекта, так и конфликтной ситуации. Вероятность возвращения ее в динамическую стадию находится в прямой зависимости от активности групп, чьи интересы существенно пострадали. Как показывает практика, городские власти достаточно чувствительны к их протестам и стараются удовлетворить

потребности пострадавших в той степени, в которой позволяют их ресурсы. В таком случае основные издержки перекладываются на городские власти.

В некоторых случаях, когда интересы локальных сообществ и городских властей по каким-то причинам близки друг другу, возможно завершение конфликта на ранней стадии на основе приостановки реализации ранее декларируемых планов. Такие ситуации распространены при смене кадрового состава городских административных структур в той степени, в какой она сопровождается перераспределением влияния городских групп интересов. Наконец, в некоторых случаях от перспективных проектов может отказываться бизнес, расценив возможные издержки их реализации как излишне высокие.

Таким образом, анализ динамических аспектов городской конфликтности показывает, что возможные сценарии конфликтов в первую очередь зависят от констелляций интересов основных субъектов. Следовательно, повышение конструктивности процессов планирования и реализации проектов развития городской среды может быть обеспечено преимущественно политическими методами согласования этих интересов.

Политическая составляющая в городских конфликтах

Как отмечает И. Р. Медведев, существует две крупные линии современной теории, в рамках которых осмысливаются проблемы городской конфликтности – коллаборативное и критическое планирование [7, с. 2]. В контексте первой из них городские конфликты рассматриваются как закономерно возникающие в упорядоченном и плотном городском пространстве столкновения интересов различных акторов. Конфликты такого рода в высокой степени институционализированы, поэтому их урегулирование находится в плоскости переговорных процессов и достижения договоренностей. В центр внимания исследователей, придерживающихся данного подхода, попадают проблемы оснований для компромиссных соглашений, в том числе их этической составляющей [8, р. 173]. Акцент делается на глубоком изучении проблемной ситуации и совершенствовании процессов планирования путем обучения взаимодействию власти и оппозиционных ее групп в городском пространстве [9, р. 115–135]. Подчеркивается, что отлаженная система городского планирования, включающая в себя механизмы представления интересов граждан, позволяет достичь консенсуса в духе коммуникативной теории Ю. Хабермаса [10]. Коллаборативное планирование может быть эффективным при высоком уровне институционализации конфликтов и сложившейся культуре конструктивного конфликтования.

Критическое планирование предполагает более высокий уровень жесткости при оспаривании городской среды в процессе реализации «права на город», что выражается в процессах социально-политической борьбы, направленной на изменение самих принципов управления их развитием [11]. Возникающие противоречия, с точки зрения сторонников данной концепции, обусловлены самой структурой городского пространства, существующим в нем социальным неравенством, в условиях которого значительные группы граждан не могут реализовать свои интересы. Идеи коллаборации в этом контексте не соответствуют политическим рамкам, в которых происходит планирование [12]. Таким образом, исследовательские акценты смещаются с процессов достижения договоренностей на процессы перераспределения властных полномочий, изменение структуры управления городом. Городской конфликт рассматривается как политическая (и политико-управленческая) проблема.

На наш взгляд, подобный подход продуктивен для исследования практик конфликтования в городских полициях, где интересы значительных групп городского населения слабо представлены во властных структурах, а практики их согласования во многом имеют имитационный характер. В крупных российских городах, с теми или иными вариациями, управление конфликтами реализуется в рамках такого набора условий. Фактически сложившиеся модели управления здесь нацелены на поддержание эксплуатации городского пространства, максимизацию извлекаемой из него прибыли в интересах бизнес-структур, аффилированных с органами власти (при этом речь необязательно идет о городских властях). Эту тенденцию отмечают российские исследователи, приводя в пример Санкт-Петербург, где «складывается городской политический режим, принимающий форму коалиций городских властей и крупного строительного бизнеса и существенным образом ограничивающий возможности участия населения в принятии решений о судьбе городских территорий» [13, с. 219]. Формальными нормами постулируется модель городского планирования с активным участием местного сообщества, но в реальной политико-управленческой практике они отсутствуют [14, с. 278] или играют пассивную роль. В такой системе отношений эффективное использование технологий адвокативного планирования, переговоров, посредничества не представляется возможным.

Модели политического управления городскими конфликтами

В зависимости от преобладающей направленности и методов политико-управленческих взаимодействий мы считаем возможным выделить две базовых

модели управления городскими конфликтами, которые можно обозначить как горизонтальную (т. е. модель «круглого стола») и вертикальную (модель «экспертного совета»).

Первая из них ориентирована на принципы вовлечения в процессы городского развития всех заинтересованных сторон и создание площадок для согласования интересов и работы над преодолением противоречий. В данной модели конструируются точки стыковки иерархических и сетевых структур управления, что позволяет городским властям, сохраняя центральную роль в процессах регулирования конфликтных отношений, обеспечивать как достаточно полный учет интересов различных сегментов городского сообщества, так и преимущественно конструктивный характер реализации конфликтного потенциала. Сетевые структуры, создаваемые в рамках данной модели, как правило, имеют открытый характер и нацелены на формирование сообществ, заинтересованных в разрешении конкретной проблемы. Помимо прочего, это позволяет властным органам переложить на них и часть ответственности за коллективно принимаемые решения.

Вторая модель ориентирована на преобладание вертикальных методов управления. Она имеет многоуровневый характер, включая в себя не только муниципальные, но в явной или неявной форме государственные структуры управления. Иерархии здесь стыкуются с преимущественно закрытыми сетями, создаваемыми группами бизнес-интересов. Возможности участия в управлении конфликтами многочисленных сегментов городского сообщества, не имеющих доступа к этим сетям, минимизируются или имитируются.

На практике структуры политического управления конфликтами близки к гетерархиям, однако их конфигурации различаются в зависимости от преобладающей модели, определяемой, в свою очередь, типом регионального политического режима. Эта проблема требует дополнительных исследований.

Концепты и практики политического управления городскими конфликтами

Проблемы концептуализации представлений о факторах и особенностях развития городских конфликтов, институциональных основаниях и коммуникативных характеристиках политического управления ими рассматривались в ходе исследования, проводившегося в сентябре 2017 г. в трех крупных региональных центрах России – Воронеже, Краснодаре, Ярославле. Всего нами было опрошено 36 экспертов, представлявших различные профессиональные сообщества: государственных и муниципальных управленцев, представителей бизнеса и некоммерческих организаций, академических ученых. В ходе

исследования планировалось выявить основные причины и факторы развития городских конфликтов, институциональный контекст и стратегии взаимодействий их участников и ряд других аспектов. Гипотеза исследования была сформулирована следующим образом: в современных городских конфликтах преобладают деструктивные составляющие, а уровень реализации конструктивного потенциала низок, что обусловлено сложившимися моделями управления ими. В настоящей статье приведены обобщенные результаты исследования. Данные по отдельным городам уже анализировались нами ранее [15].

Наиболее значимыми факторами конфликтности эксперты считают:

- нежелание власти учитывать интересы горожан;
- преобладание интересов бизнеса над интересами других сегментов городского сообщества;
- отсутствие коммуникации между властью и горожанами;
- жесткие ограничения ресурсов у власти для решения проблем горожан.

Полученные данные свидетельствуют о наличии дисбаланса в отношениях и ресурсах между основными акторами конфликта, что способствует закреплению искаженной структуры интересов различных сегментов городского сообщества в планах и проектах развития городов. Они также косвенно указывают на наличие сторон конфликта, обладающих большими ресурсами и более высоким рангом, нежели собственно городские власти. Последнее подтверждается тем, что среди основных субъектов конфликтов эксперты выделили не только местные, но и региональные власти, а также крупный бизнес.

Осевым типом городских конфликтов, как и предполагалось, являются ситуации, вызванные противоречиями в сфере градостроения и пространственного развития города. На наш взгляд, подобное положение дел связано с тем, что в ходе конфликтов такого типа происходит распределение наиболее ценных для города ресурсов. При отсутствии конструктивного регулирования это способствует росту социальной напряженности, который подстегивается наглядной иллюстрацией несправедливости решений конфликта. Кроме того, они имеют долговременные последствия. По сути, негативным последствием конфликтов становится закрепление проблем города в камне.

Не случайно эксперты, определяя негативные последствия городских конфликтов, в числе основных из них отмечали повышение социальной напряженности в городской среде и сохранение причин, которые могли бы вызвать подобные конфликты в будущем. Это свидетельствует об отсутствии налаженного механизма конструктивного регулирования противоречий, институционализированных практик такого

рода, что приводит к накоплению и воспроизводству проблем в сфере развития городов. Характерна также оценка, согласно которой негативные последствия конфликтов проявляются в большем объеме, чем позитивные, поскольку интересы городского сообщества не учитываются или игнорируются.

Среди позитивных последствий отмечаются формирование и структурирование в ходе конфликтов сообществ, которые могут в дальнейшем способствовать развитию города. При этом большинство экспертов считают, что для городских конфликтов свойственно образование коалиций, состав которых не превышает двух-трех участников. Это подтверждает гипотезу, согласно которой большинство городских конфликтов имеет локальный характер. Образующиеся сообщества, следовательно, чаще всего не выходят за рамки локального формата. Позитивное значение также имеют возможность решения проблемы, вызвавшей конфликт, и развитие навыков, помогающих конструктивно урегулировать подобные конфликты в дальнейшем.

Эксперты достаточно оптимистичны при оценке степени конструктивности взаимодействия между основными субъектами конфликтов, что, на первый взгляд, противоречит характеристикам, приведенным выше. Однако более подробный анализ данных позволяет снять это противоречие. Очевидно вырисовываются пары субъектов, чье взаимодействие наиболее конструктивно: «горожане – НКО» и «городские власти – бизнес». В то же время отношения между бизнесом и первой парой субъектов оцениваются как наименее конструктивные, немного лучше в этом отношении позиции властных структур.

Подобная конфигурация отношений позволяет сделать вывод о преобладании вертикальных методов управления. Сложившаяся система характеризуется наличием асимметрии, выражением которой является стремление власти достигать отдельных договоренностей как с бизнесом, так и с горожанами. Таким образом, содержание отношений городских властей с бизнесом во многом остается непрозрачным для городского сообщества, при том что прямых конструктивных взаимодействий между ним и коммерческими структурами явно недостаточно. Ощущается недостаток горизонтальных связей между участниками процессов принятия решений, которые благодаря такому механизму разделения могут быть разведены в социальном пространстве и во времени. Отдельные представители городских сообществ (активисты) могут кооптироваться в структуры принятия решений властной вертикали, что позволяет придать им более конструктивный характер (или имитировать таковой). С учетом разрозненности локальных сообществ наличие активистов в около-властных структурах скорее легитимизирует позиции

городских властей, чем повышает уровень оппонирования им.

Показательно, что среди участников конфликтов, наиболее часто использующих стратегию конкуренции, отмечаются бизнес и городские властные структуры. Для последних, впрочем, свойственна гибкость в выборе преобладающей линии поведения: они могут также стремиться избегать конфликта или достигать компромиссных решений. При этом представители городских сообществ и НКО чаще используют более конструктивные стратегии: компромисс, сотрудничество, что не исключает организации протестных акций, которые были названы одной из распространенных форм проявления конфликтности.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что бизнес, пользуясь ресурсными преимуществами и близостью к властным структурам, стремится продавливать выгодные для себя решения, мало считаясь с вероятностью возникновения открытых конфликтов. Властные структуры, будучи существенно более публичным субъектом политики, считают нужным действовать в более широком спектре возможностей: от прямой поддержки бизнес-проектов до сдерживания (в некоторых случаях) коммерческих интересов. Существенным ограничением здесь выступает потенциал протестной активности горожан. Наличие публичных протестов означает для городских властей угрозу санкций с более высоких уровней системы политического управления. Таким образом, протестные действия продолжают оставаться своеобразным «пропуском» в систему принятия решений относительно конфликта. Но возможности их организации отдельными сегментами городского сообщества ограничены по причинам, о которых шла речь выше. Обычно наличие протеста означает достижение некоей крайности в конфликте, выход его за рамки даже тех устойчивых практик, которые обеспечивают, как уже упоминалось, преимущественно деструктивные последствия конфликтов.

Характерно, что среди способов повышения конструктивности конфликтных взаимодействий, лежащих в сфере как формальной, так и неформальной институционализации, эксперты выделяют повышение прямого, а также косвенного влияния общественности на принятие городских решений. Прямые методы взаимодействия реализуются через закрепленные в законодательстве механизмы – общественные слушания, регламентацию процедур принятия градостроительных решений, экспертизу, а также через использование неформальных каналов влияния – переговоров, представительства в совещательных органах и др. Косвенно (однако достаточно эффективно) горожане смогут влиять на принятие решений при усилении выборности и политической подотчетности городских властей. В этом плане внедренные в боль-

шинстве крупных региональных центров практики замещения должности главы города без использования механизма прямых выборов играют отрицательную роль, поскольку ослабляют прямой контроль граждан над избранным чиновником.

Таким образом, проведенное нами исследование проблем концептуализации городского конфликта как объекта исследования и политического управления позволяет сделать некоторые выводы.

Конфликты такого типа чаще всего развиваются как конфликты интересов, не всегда затрагивающие ценностные и мировоззренческие позиции участников¹. Они могут рассматриваться как рациональные, т. е. служат инструментом достижения целей участвующих субъектов, соотносимых с имеющимися у них ресурсами. Конфликт, как правило, не превращается в самоцель, не создает предпосылок к формированию глубоких разломов в социальных отношениях, эскалации вплоть до насильственных действий и аналогичных деструктивных последствий. В этом смысле разрушительный потенциал городских конфликтов ограничен (при условии, что в них не вплетаются этнические, конфессиональные или политические мотивы, которые могут способствовать повышению уровня иррациональности).

В то же время значимость распределяемых ресурсов и непосредственное влияние на условия жизни городского сообщества объективно способствуют повышению их остроты и интенсивности. Негативные последствия городских конфликтов даже при ограниченности сферы их проявления имеют долгосрочный характер. В частности, они во многом определяют устойчивость противоречий между интересами различных сегментов городского сообщества, закрепленных в пространственной структуре города, его коммуникативной инфраструктуре, миграционной ситуации, информационной среде и в ряде других элементов функционирования городского социума. При этом для устранения негативных последствий конфликта, как правило, требуется либо перераспределение ресурсов, болезненное для одной из сторон, либо привлечение дополнительных ресурсов, находящихся за пределами возможностей городского сообщества и городских властей. Таким образом, повышение уровня конструктивности конфликтов становится принципиально важным для позитивной динамики в развитии города, особенно в условиях популярности концепции «Умный город», предполагающей благоприятные условия жизнедеятельности для всех его обитателей. Это, в свою очередь,

заставляет обратить более пристальное внимание на используемые модели политического управления.

Как показало исследование, господство модели «экспертного совета», типичной для большинства российских городов, не способствует решению ключевых задач в этой сфере. Данная модель не обеспечивает поддержание баланса интересов в городском сообществе, давая необоснованные преимущества крупному бизнесу (прежде всего застройщикам) и способствуя реализации партикулярных интересов в противовес общественным. Основные характеристики такой модели («особые отношения» власти и бизнеса, произвольное вовлечение/исключение общественности в процессы принятия решений по поводу конфликта, подмена механизмов представительства интересов симулякрами и др.) закрепляются системой формальных и неформальных правил, сложившихся в крупных российских городах. Ограничения политического характера, связанные с общими тенденциями развития российской политической системы, а также слабость институтов и структур гражданского общества не позволяют рассчитывать на трансформацию этой модели в ближайшем будущем. Однако это не означает, что ситуация останется неизменной в средне- и долгосрочной перспективе. Вместе с тем субъекты современных городских конфликтов должны, по крайней мере, осознавать эти ограничения и искать возможности для повышения конструктивности взаимодействий, потенциал которых все-таки сохраняется. К таковым относится, прежде всего, потенциал организации и самоорганизации городских сообществ, усиленный благодаря возможностям интернет-коммуникаций, влиянию на актуальную повестку дня, оперативной реакции на все болевые точки городской жизни. Рост организационного, информационного и интеллектуального потенциала городского сообщества позволит ему повысить свой ранг в городских конфликтах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кольба А. И. Развитие представлений о городском конфликте в современных социальных исследованиях / А. И. Кольба // Человек. Сообщество. Управление. – 2016. – № 3. – С. 132–144.
2. Рябова Е. Л. Культура конфликтного взаимодействия в современном российском социуме как фактор общественной стабилизации : дис. ... д-ра полит. наук / Е. Л. Рябова. – М., 2010. – 337 с.
3. Козер Л. Функции социального конфликта / Л. Козер. – М. : Идея-Пресс ; Дом интеллектуальной книги, 2000. – 205 с.
4. Neugebauer C. S. Loss and (re-)construction of public space in post-Soviet cities / C. S. Neugebauer, L. Rekhviashvili // International Journal of Sociology and Social Policy. – 2015. – Vol. 35 (7/8). – Mode of access: <https://>

¹ Впрочем, борьба за сохранение культурного облика исторического центра города, на протяжении ряда лет характеризовавшая общественную жизнь Воронежа, имела отчетливое ценностное измерение: новые небоскребы «не шли» лицу среднерусского города с 400-летней историей.

www.emeraldinsight.com/doi/full/10.1108/IJSSP-04-2015-0042 (дата обращения: 12.07.2018). DOI: 10.1108/IJSSP-04-2015-0042

5. «Город сам по себе считается местом конфликта» : интервью с И. Р. Медведевым // Мослента. – Режим доступа: <https://moslenta.ru/urbanistika/gorod-sam-po-sebe-schitaetsya-mestom-konflikta.htm> (дата обращения: 12.07.2018).

6. *Loopmans M.* Neoliberal Urban Movements? : A Geography of Conflict and Mobilisation over Urban Renaissance in Antwerp, Belgium / M. Loopmans, T. Dirckx // *Contradictions of Neoliberal Planning : Cities, Policies, and Politics.* – London ; New York : Springer, 2012. – P. 99–116.

7. *Медведев И. Р.* Разрешение городских конфликтов / И. Р. Медведев. – М. : Инфотропик, 2017. – 372 с.

8. *Chan Kok Hui J.* Between conflict and consensus : Searching for an ethical compromise in planning / J. Chan Kok Hui, J.-P. Protzen // *Planning Theory.* – 2018. – № 17 (2). – P. 170–189.

9. *Schmidt-Thomé K.* Interplay of power and learning in planning processes : A dynamic view / K. Schmidt-Thomé, R. Mäntysalo // *Planning Theory.* – 2014. – Vol. 13 (2). – P. 115–135.

10. *Ozdemir E.* Planners' role in accommodating citizen disagreement : The case of Dutch urban planning / E. Oz-

demir, T. Tasan-Kok // *Urban Studies : an international journal for research in urban studies.* – 2017. – № 3. – P. 1–19. DOI: 10.1177/0042098017726738

11. *Харви Д.* Право на город / Д. Харви // *Логос.* – 2008. – № 3. – С. 80–94.

12. *Brand R.* Collaborative Planning in an Uncollaborative World / R. Brand, F. Gaffikin // *Planning Theory.* – 2007. – Vol. 6, № 3. – P. 282–313.

13. *Тыканова Е. В.* Между политическим и аполитичным : формы участия локальных сообществ в защите городских территорий / Е. В. Тыканова, А. М. Хохлова // *Современный город : власть, управление, экономика.* – Пермь : Изд-во ПНИПУ, 2017. – С. 218–236.

14. *Кончечков С. М.* Теоретические представления градостроительного конфликта / С. М. Кончечков // *Architecture and Modern Information Technologies.* – 2018. – № 1 (42). – С. 269–286. – Mode of access: http://marhi.ru/AMIT/2018/1kvart18/20_konchekov/index.php (дата обращения: 12.07.2018).

15. *Глухова А.В.* Политико-институциональные и коммуникативные аспекты взаимодействия субъектов городских конфликтов (по материалам экспертного опроса) / А. В. Глухова, А. И. Кольба, А. В. Соколов // *Человек. Сообщество. Управление.* – 2017. – № 4. – С. 44–65.

Воронежский государственный университет
Глухова А. В., доктор политических наук, профессор,
заведующий кафедрой социологии и политологии
E-mail: avglukhova@mail.ru
Тел.: 8 (473) 221-27-43

Voronezh State University
Glukhova A. V., Doctor of Political Sciences, Professor,
Head of the Department of Sociology and Political Science
E-mail: avglukhova@mail.ru
Tel.: 8 (473) 221-27-43

Кубанский государственный университет
Кольба А. И., доктор политических наук, профессор
кафедры государственной политики и государственного управления
E-mail: alivka2000@mail.ru
Тел.: 8 (861) 219-95-56

Kuban State University
Kolba A. I., Doctor of Political Sciences, Professor of
the Department of State Policy and Public Administration
E-mail: alivka2000@mail.ru
Tel.: 8 (861) 219-95-56

Ярославский государственный университет
Соколов А. В., кандидат политических наук, доцент
кафедры социально-политических теорий
E-mail: alex8119@mail.ru
Тел.: 8 (4852) 78-85-21

Yaroslavl State University
Sokolov A. V., Candidate of Political Sciences, Associate
Professor of the Department of Social and Political Theories
E-mail: alex8119@mail.ru
Tel.: 8 (4852) 78-85-21